

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

В И К Т О Р Д Р А Г У Н С К И Й

Он живой
и светится...

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ РСФСР
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКИЙ
МИР" 1961

В И К Т О Р Д Р А Г У Н С К И Й

Он живой
и светится...

ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ

Р И С У Н К И
В. ГОРЯЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

Живой уголок	3
Тайное становится явным	5
Слава Ивана Козловского	9
Заклдованная буква	12
Что я люблю	17
...И чего я не люблю	20
Сражение у Чистой речки	21
Одна капля убивает лошадь	26
Шляпа гроссмейстера	30
Похититель собак	34
Кот в сапогах	38
Мотогонки по отвесной стене	43
Надо иметь чувство юмора	47
Сверху вниз, наискосок!	52
Смерть шпиона Гадюкина	57
«Он живой и светится...»	64

ЖИВОЙ УГОЛОК

Перед концом урока наша учительница Раиса Ивановна сказала:

— Ну, поздравляю вас, ребята! Школьный совет постановил устроить в нашей школе живой уголок. Такой маленький зоосад. Вы будете сами ухаживать и наблюдать за животными...

Я так и подпрыгнул. Это ведь очень интересно! Я спросил:

— А где будет помещаться живой уголок?

— На третьем этаже,— ответила Раиса Ивановна,— возле учительской...

— А как же,— спросил я,— зубробизон взойдёт на третий этаж?

— Какой зубробизон?— удивилась Раиса Ивановна.

— Лохматый,— сказал я,— с рогами и хвостом.

— Нет,— сказала Раиса Ивановна,— зубробизона у нас не будет, а будут разные мелкие ёжики, птички, рыбки и мышки. И пусть каждый из вас принесёт такое мелкое животное в наш живой уголок. До свидания!

И я пошёл домой, а потом во двор и всё думал, как бы завести у нас в живом уголке лося, яка или хотя бы бегемота. Они такие красивые...

Но тут прибежал Миша и как закричит:

— На Арбате в зоомагазине дают белых мышей!!!

Я ужасно обрадовался и побежал к маме.

— Мама, мама, кричи ура! На Арбате дают белых мышей!

— Кто даёт, кому, зачем, и почему я должна кричать ура?— удивилась мама.

Я говорю:

— В зоомагазине дают, для живых уголков, дай мне денег, пожалуйста!

Мама уже взялась за сумочку, но потом спросила:

— А зачем вам для живого уголка именно белые мыши?

Почему вам не годятся простые серенькие мышата?

— Ну что ты, мама,— сказал я,— какое может быть сравнение? Серые мыши — это — так — простые, а белые — вроде диетических. Понимаешь?

Тут мама шлёпнула меня небожно, дала денег, и я припустился в магазин.

Там уже народу видимо-невидимо. И понятно, потому что известно: кто же не любит белых мышей? Поэтому в магазине была давка, и Миша стал у прилавка — следить, чтобы больше двух мышей в одни руки не отпускали. Но всё-таки мне не повезло! Перед самым моим носом мыши кончились. Одно расстройство! Не могу же я себе позволить покупать мышей на рынке, там за них с меня три шкуры сдерут!

Я спрашиваю продавщицу:

— Когда ещё будут мыши?

А она:

— Когда с базы пришлют. В четвёртом квартале, думаю, подкинут.

Я говорю:

— Плохо вы снабжаете население мышами первой необходимости. И ушёл. И, наверно, прямо сразу стал худеть от расстройства. Потому что мама, как увидела моё выражение лица, всплеснула руками и говорит:

— Не расстраивайся, Денис, из-за мышей. Нету и не надо! Пойдём купим тебе рыбку! Для первоклассника самое хорошее дело — рыбка! Ты какую хочешь, а?

Я говорю:

— Нильского крокодила!

— А если поменьше? — говорит мама.

— Тогда моллинезию! — говорю я.

Моллинезия — это маленькая такая рыбка, величиной с полспички.

И мы вернулись в магазин. Мама спрашивает:

— Почём у вас эти моллинезии, я хочу купить десяточек таких малюток для живого уголка!

А продавщица говорит:

— Пятнадцать рублей штучка!

Мама взялась за голову.

— Это,— сказала мама,— я и представить себе не могла. Пойдём, сынок, домой.

— А моллинезии, мама?

— Не нужно их нам,— говорит мама,— они кусаются. Пойдём-ка и вместо одной такой малявки купим огромного судака или зеркального карпа, приготовим его в сметане, позовём Мишу и будем пировать. А моллинезии, ну их, они кусаются..

Но всё-таки скажите, что мне принести в живой уголок? Мыши кончились, а рыбки кусаются... Одно расстройство!

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама в коридоре сказала кому-то:

—...Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама, «тайное станет явным»?

— А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание,— сказала мама.— Понял? Ложись-ка спать!

Я вычистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: «Как же так получается, что тайное становится явным?» И я долго не спал, а когда проснулся, опять вычистил зубы и стал завтракать. Папа уже был на работе, и мы с мамой были одни.

Сначала я съел яйцо. Это было ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой, так чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь!..— сказала мама.— Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:

— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кащей! Ешь! Ты должен поправиться!

Я сказал:

— Я ею давлюсь!..

Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

— Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?

Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грано-

витой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки, и знаю, где сидел Иван Грозный. И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень.

Тогда мама улыбнулась:

— Ну вот, ешь всю кашу до конца и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.

А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну невозможно есть. Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, пригубил. Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, всё можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она сразу посмотрела на тарелку и обрадовалась:

— Ну что за Дениска, что за парень — молодец. Съел кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

— Здравствуйте, — и побежал к окну, поглядел вниз, потом поглядел на маму и говорит: — А ещё интеллигентный человек!

— Что вам нужно? — строго спросила мама.

— Как не стыдно! — милиционер даже стал по стойке смирно. — Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно?!

— Не клевеците, — запальчиво крикнула мама, — ничего я не выливаю!

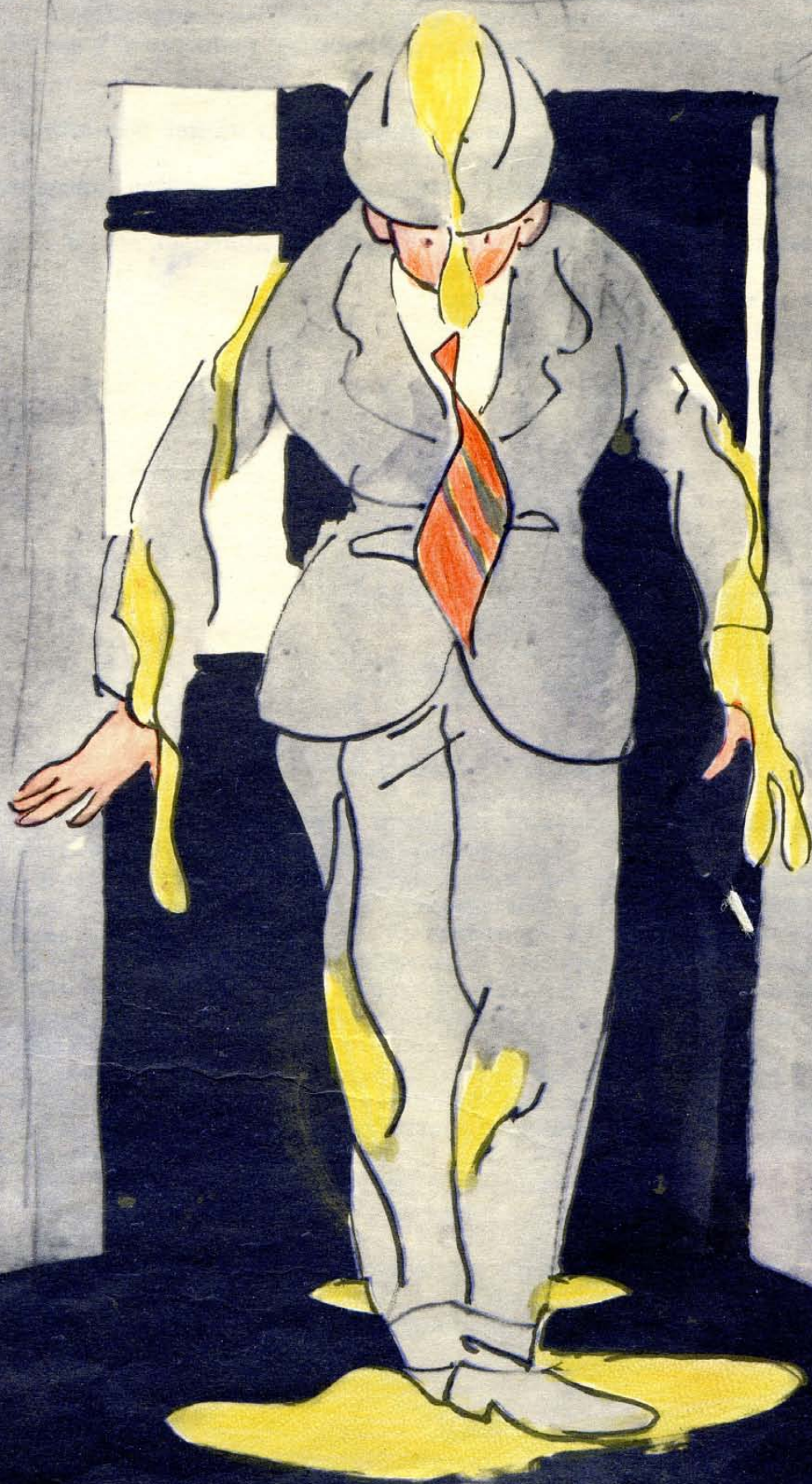
— Ах, не выливаете, — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!

И вот к нам вошёл какой-то дяденька. Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.

На голове у этого дяденьки была шляпа, а на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брюке. Он как вошёл, сразу стал мекать.

— Главное, я иду фотографироваться... ммэ... и вдруг такая история... каша... ммэ... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... ммэ... жжёт... Как же я пошлю своё... ммэ... фото? Когда я весь в каше?

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник! А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

— Извините, пожалуйста,— сказала она тихо,— разрешите я вас почищу, пройдите сюда!

И они все трое прошли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но я себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

— Ты это запомнил на всю жизнь?

И я ответил:

— Да.

СЛАВА ИВАНА КОЗЛОВСКОГО

У меня в табеле одни пятёрки. Только по чистописанию четвёрка. Из-за клякс. Я прямо не знаю, что делать?

У меня всегда с пера соскакивают кляксы. Я уж макаю в чернила только самый кончик пера, а кляксы всё равно соскакивают... Просто чудеса какие-то! Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть — настоящая пятёрочная страница. Утром показал её Раисе Ивановне, а там на самой середине клякса! Откуда она взялась? Вчера её не было! Может быть, она с какой-нибудь другой страницы просочилась? Не знаю...

А так у меня одни пятёрки. Только по пению тройка. Это вот как получилось. Был у нас урок пения. Сначала мы пели все хором «Во поле берёзонька стояла»... Выходило очень красиво, но Борис Сергеевич всё время морщился и кричал:

— Тяните гласные, друзья, тяните гласные!..

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

— Настоящий кошачий концерт! Давайте-ка займёмся с каждым инди-виду-ально.

Это значит, с каждым отдельно.

И Борис Сергеевич вызвал Мишу.
Миша подошёл к роялю и что-то такое прошептал Борису Сергеевичу.
Тогда Борис Сергеевич начал играть, а Миша тихонечко запел:

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок...

Ну и смешно же пицал Мишка! Так пицтит наш котёнок Мурзик, когда я его засовываю в чайник. Разве ж так поют? — Почти ничего не слышно. Я просто не мог выдержать и рассмеялся.

Тогда Борис Сергеевич поставил Мише пятёрку и поглядел на меня.
Он сказал:

— Ну-ка, хохотун, выходи!

Я быстро побежал к роялю.

— Ну-с, что вы будете исполнять? — вежливо спросил Борис Сергеевич.
Я сказал:

— Песня гражданской войны «Веди ж, Будённый, нас смелее в бой».

Борис Сергеевич тряхнул головой и заиграл, но я его сразу остановил:

— Играйте, пожалуйста, громче! — сказал я.

Борис Сергеевич сказал:

— Тебя не будет слышно.

Но я сказал:

— Будет. Ещё как!

Борис Сергеевич заиграл, а я набрал побольше воздуха да как гряну во всю мочь свою любимую:

Высоко в небо ясном
Вьётся алый стяг...

Мне очень нравится эта песня, так и вижу синее-синее небо, жарко, кони стучат копытами, у них красивые лиловые глаза, а в небе вьётся алый стяг.

Тут я даже зажмурился от восторга и закричал что было сил:

Мы мчимся на конях туда,
Где виден враг!
И в битве упоительной...

Я хорошо орал, наверно, было слышно на другой улице.

Лавиною стремительной!

Мы мчимся вперёд!.. Ура!.. Красные всегда побеждают! Отступайте, враги!.. Даёшь!!!

Я нажал себе кулаками на живот, вышло ещё громче, и я чуть не лопнул:

— Мы вррезались в Крым!

Тут я остановился, потому что я был весь потный и у меня дрожали колени.

А Борис Сергеевич, хоть и играл, но весь как-то склонился к роялю, и у него тоже тряслись плечи...

Я сказал:

— Ну как?

— Чудовищно,— похвалил Борис Сергеевич.

— Хорошая песня, правда? — спросил я.

— Хорошая,— сказал Борис Сергеевич и закрыл платком глаза.

— Только жаль, вы очень тихо играли; Борис Сергеевич,— сказал я,— можно бы ещё погромче.

— Ладно, я учту,— сказал Борис Сергеевич. — А ты не заметил, что я играл одно, а ты пел немножко по-другому?

— Нет,— сказал я,— я этого не заметил! Да это и неважно. Просто надо было погромче играть.

— Ну что ж,— сказал Борис Сергеевич,— раз ты ничего не заметил, поставим тебе пока тройку. За прилежание.

«...Как тройку?! — Я даже опешил.— Как же это может быть? Тройка это очень мало! Мишка так тихо пел и то получил пятёрку...»

Я сказал:

— Борис Сергеевич, когда я немножко отдохну, я ещё громче смогу, вы не думайте. Это я сегодня плохо завтракал. А то я так могу спеть, что тут у всех уши позаложит. Я знаю ещё одну песню, когда я её дома пою, все соседи прибегают, спрашивают, что случилось.

— Это какая же песня?— спросил Борис Сергеевич.

— Жалостливая,— сказал я,— и запел:

Я Вас любил,
Любовь ещё, быть может...

Но Борис Сергеевич поспешно сказал:

— Ну хорошо, хорошо, всё это мы обсудим в следующий раз.

И тут раздался звонок.

Мама встретила меня в раздевалке. Когда мы собирались уходить, к нам подошёл Борис Сергеевич.

— Ну,— сказал он улыбаясь,— возможно, ваш мальчик будет Лобачевским, может быть, Менделеевым. Он может стать Суриковым или Кольцовым; я не удивлюсь, если он станет известен стране, как известен товарищ Николай Мамай или боксёр Геннадий Шатков; но в одном могу заверить Вас абсолютно твёрдо: славы Ивана Козловского он не добьётся. Никогда!

Мама ужасно покраснела, глаза у неё стали зелёными, как крыжовник, и она сказала:

— Ну это мы ещё увидим!

А когда мы шли домой, я всё думал:

— Неужели Козловский поёт громче меня?

ЗАКЛЮДАННАЯ БУКВА

Недавно мы гуляли во дворе — Алёнка, Миша и я. Вдруг во двор въезжает грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали эту ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

— Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь её на попа! Легче, а то весь шпиг обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактивировать.

И ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну и я немножко поднажал, чтоб он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! «Сыски»!..

А я, конечно, поддавал жару:

— Пять лет девчонке, а говорит «сыски»!.. Ха-ха-ха!

Потом Мишка будто бы упал в обморок и застонал:

— Ах, мне плохо! «Сыски»...

И стал икать:

— Ик!.. «Сыски». Ик! «Сыски»! Ой! Умру от смеха!.. Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она «сыски».

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

— Я правильно сказала «сыски»! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать — «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка говорит:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось, да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово? Хыххки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ой, хыхечка зелёная,
Боюся, уколюся я.

Но Алёнка как закричит! Одна громче нас двоих:
— Неправильно! Ура! Ты говоришь «хыхки», а надо «сыски»!

А Мишка:

— Именно, что не надо «сыски», а надо «хыхки»!

И оба давай орать. Только и слышно:

— Сыски!

— Хыхки!

— Сыски!

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и всё время думал: чего они так спорили, раз оба неправы? Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

— Никакие не «сыски». Никакие не «хыхки», а коротко и ясно: фыфки!
Вот и всё.

ЧТО Я ЛЮБЛЮ...

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как бельё на заборе. Ещё я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезть к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем её кормить, и ка-

кая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пёс.

Я люблю также смотреть телевизор; всё равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю.

Люблю читать сказки про Канчиля. Это такая маленькая, умная и озорная лань, у неё весёлые глазки и маленькие рожки и розовые отполированные копытца. Когда мы будем жить просторней, мы купим себе Канчиля; он будет жить в ванной.

Ещё я люблю плавать там, где мелко, чтобы можно было держаться руками за песчаное дно.

Я люблю на демонстрациях махать красным флажком и дудеть в «уйди-уйди»!

Очень люблю звонить по телефону.

Я люблю строгать, пилить, я умею лепить головы древних воинов и бизонов, и я слепил глухаря и царь-пушку. Всё это я люблю дарить.

Когда я читаю, я люблю грызть сухарь или ещё что-нибудь.

Я люблю гостей.

Ещё я очень люблю ужей, ящериц и лягушек. Они такие ловкие. Я ношу их в карма-

нах. Я люблю, чтобы ужик лежал на столе, когда я обедаю. Люблю, когда бабушка кричит про лягушонка:

— Уберите эту гадость! — И убегает из комнаты. Тогда я помираю со смеху!

Я люблю посмеяться... Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавливаю из себя смех, смотришь, через пять минут и вправду становится смешно, и я прямо кисну от смеха.

Когда у меня хорошее настроение, я люблю скакать. Однажды мы с папой пошли в зоопарк, и я скакал вокруг него на улице, и он спросил:

— Ты что скачешь?

А я сказал:

— Я скачу, что ты мой папа!

Он понял.

Я люблю ходить в зоопарк. Там чудесные слоны. И есть один слонёнок. Когда мы будем жить просторней, мы купим слонёнка. Я выстрою ему гараж.

Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин.

Ещё я люблю надавливать на глаз и видеть, как все предметы раздваиваются. Этим я могу заниматься целый день. Люблю ходить в кафе есть мороженое и запивать его газированной водой. От неё колет в носу и слёзы выступают на глазах.

Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами.

Очень люблю лошадей, у них такие красивые и добрые лица.

Я много чего люблю!

...И ЧЕГО НЕ ЛЮБЛЮ!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Ещё не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихотворение.

Не люблю, когда мама с папой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их наболтают в стакане, крошат туда хлеба и заставляют есть. Это мне противно.

Ещё не люблю, когда при мне секретничают: очень хочется узнать секрет!

Я не люблю, когда мама идёт со мной погулять и вдруг встречает тётю Розу! Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме — я в нём как деревянный.

Когда мы играем в красных и белых, я не люблю быть белым. Тогда я выхожу из игры, и всё! А когда я бываю красным, не люблю попадать в плен. Я всё равно убегаю.

Не люблю, когда у меня выигрывают.

Не люблю, когда день рождения, играть в «Каравай»: я не маленький.

Не люблю, когда задаются.

И очень не люблю, когда порежусь, вдобавок мазать йодом.

Я не люблю, что у нас в коридоре тесно и взрослые каждую минуту снуют туда-сюда, кто со сковородкой, кто с чайником, и кричат:

— Дети, не вертитесь под ногами! Осторожно, у меня горячая кастрюля!

А когда я ложусь спать, не люблю, чтобы в соседней комнате пели хором: «Ландыши, ландыши». Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки говорят старушечьими голосами!

Не люблю, что нет изобретения против клякс!

СРАЖЕНИЕ У ЧИСТОЙ РЕЧКИ

У всех мальчишек I класса «В» были пистолеты. Мы так сговорились, чтобы всегда ходить с оружием. И у каждого из нас в кармане всегда лежал хорошенький пистолетик и к нему запас пистонных лент. И нам это очень нравилось. Но так было недолго. А всё из-за кино...

Однажды Раиса Ивановна сказала:

— Завтра, ребята, воскресенье. И у нас с вами будет праздник. Завтра наш класс, и I «А», и I «Б», все три первые класса, вместе пойдут смотреть кинокартину «Алые звёзды». Это очень интересная картина о борьбе за наше правое дело... Приносите завтра с собой по рублю. Сбор возле школы, в 10 часов!

Я вечером всё это рассказал маме, и мама положила мне в левый карман рубль на билет, и в правый несколько монеток на воду с сиропом. И она выгладила мне чистый воротничок. Я рано лёг спать, чтобы поскорее наступило завтра, а когда проснулся, мама ещё спала. Тогда я стал одеваться.

Мама открыла глаза и сказала:

— Спи, ещё ночь!

А какая там ночь?! — Светло, как днем!

Я сказал:

— Как бы не опоздать!

Но мама прошептала:

— 6 часов. Не буди ты отца, спи, пожалуйста!

Я снова лёг и лежал долго-долго, уже птички запели и дворники стали подметать улицу, и за окном загудела машина. Уж теперь-то наверняка нужно было вставать. И я снова стал одеваться.

Мама зашевелилась и подняла голову:

— Ну чего ты, беспокойная душа?

Я сказал:

— Опоздаем ведь! Который час?

— Пять минут седьмого,— сказала мама, — ты спи, не беспокойся, я тебя разбужу, когда надо.

И верно, она потом меня разбудила, и я оделся, умылся, поел и пошёл к школе. Мы с Мишей встали в пару, и скоро все с Раисой Ивановной впереди и с Еленой Степановной позади пошли в кино.

Там наш класс занял лучшие места в первом ряду, и потом в зале стало темнеть, и началась картина. И мы увидели, как в широкой степи, недалеко от леса, сидели красные солдаты, как они пели песни и плясали под гармонь. Один солдат спал на солнышке, и недалеко от него паслись

красивые кони, они щипали траву своими мягкими губами — траву, ромашки и колокольчики. И веял лёгкий ветерок, и бежала чистая речка, а бородатый солдат у маленького костерка рассказывал сказку про Жар-птицу.

И в это время откуда ни возьмись появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было гораздо больше...

И красный пулемётчик стал отстреливаться, но он увидел, что у него очень мало патронов, и заскрипел зубами и заплакал.

Тут все ребята страшно зашумели, затопали и засвистели, кто в два пальца, а кто просто так. А у меня прямо защемило сердце, я не выдержал, выхватил свой пистолет и закричал что было сил:

— I класс «В»! Огонь!!!

И мы стали палить изо всех пистолетов сразу. Мы хотели во что бы то ни стало помочь красным. Я всё время стрелял в одного толстого фашиста, он бежал впереди весь в чёрных крестах и разных эполетах. Я истратил на него, наверно, сто пистонов; но он даже не посмотрел в мою сторону.

Пальба кругом стояла невыносимая. Валька бил с локтя, Андрюшка короткими очередями, а Мишка, наверно, был снайпером, потому что после каждого выстрела он кричал:

— Готов!

Но белые всё-таки не обращали на нас внимания, а всё лезли вперёд. Тогда я оглянулся и крикнул:

— На помощь! Выручай своих!..

И все ребята из «А» и «Б» достали пугачи с пробками и давай бахать так, что потолки затряслись и запахло дымом, порохом и серой.

А в зале творилась страшная суета. Раиса Ивановна и Елена Степановна бегали по рядам и кричали:

— Перестаньте безобразничать! Прекратите!

А за ними бежали седенькие контролёрши и всё время спотыкались...

Но мы продолжали палить всюду, потому что красный пулемётчик уже почти замолчал, он был ранен, и красная кровь текла по его бледному лицу... И у нас тоже почти кончились пистоны, и неизвестно, что было бы дальше, но в это время из-за леса выскочили красные кавалеристы, у них в руках сверкали шашки, и они врезались в самую гущу врагов.

И те побежали куда глаза глядят, за тридевять земель, а красные кричали «Ура!»

И мы тоже, все как один, кричали «Ура!»

И когда белых не стало видно, я крикнул:

— Прекратить огонь!

И все перестали стрелять, а на экране заиграла музыка, и один парень уселся за стол и стал есть гречневую кашу.

И тут я понял, что очень устал и хочу есть.

Потом картина кончилась очень хорошо, и мы разошлись по домам. А в понедельник, когда мы пришли в школу, нас, всех мальчишек, кто был в кино, собрали в большом зале.

Там стоял стол. За столом сидел Фёдор Николаевич, наш директор.

Он встал и сказал:

— Сдавай оружие!

И мы все по очереди подходили к его столу и сдавали оружие. На столе, кроме пистолетов, оказались две рогатки и трубка для стрельбы горохом.

Фёдор Николаевич сказал:

— Мы сегодня утром советовались, что с вами делать. Были разные предложения... Но я объявляю вам всем устный выговор за нарушение правил поведения в закрытых помещениях зрелищных предприятий! Кроме того, у вас, вероятно, будут снижены отметки за поведение. А теперь идите и учитесь хорошо!

И мы пошли учиться. Но я сидел и учился плохо: я всё думал, что выговор — это очень скверно и что мама, наверное, будет сердиться... Но на перемене Мишка сказал:

— А всё-таки хорошо, что мы помогли красным продержаться до прихода своих!

И я сказал ему:

— Конечно!!! Хоть это и кино, а может быть, без нас они и не продержались бы!

Кто знает...

ОДНА КАПЛЯ УБИВАЕТ ЛОШАДЬ

Когда папа заболел, пришёл доктор, осмотрел его и сказал:

— Ничего особенного, маленькая простуда. Но я вам советую бросить курить — у вас в сердце лёгкий шумок.

И когда он ушёл, мама сказала:

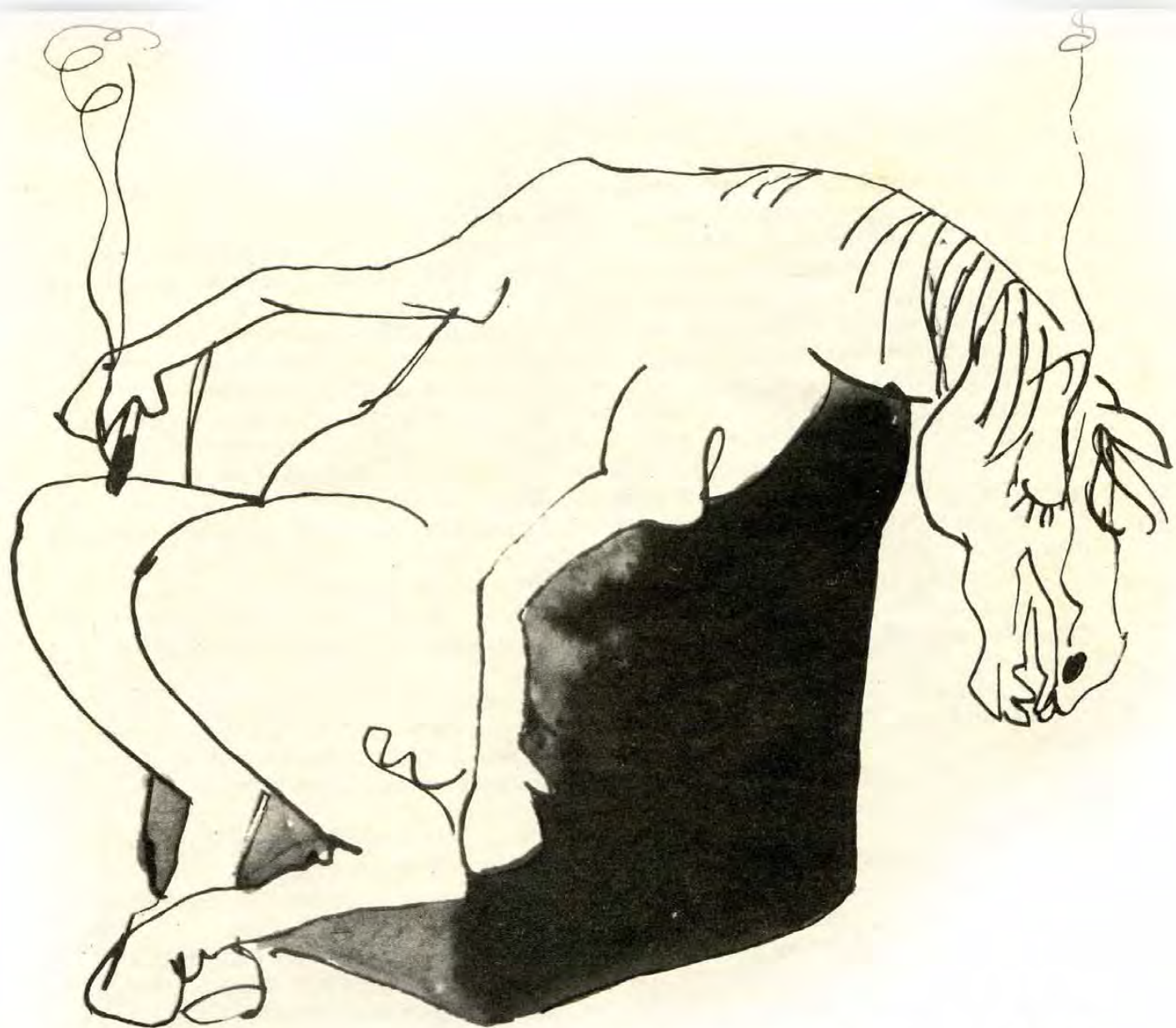
— Как это всё-таки некультурно доводить себя до болезни этими проклятыми папиросами. Ты ещё такой молодой, а вот в сердце у тебя уже шумы и хрипы.

— Ну, ты преувеличиваешь! — сказал папа. — У меня нет никаких особенных шумов, а тем более хрипов. Есть всего-навсего один маленький шумишко. Это не в счёт.

— Нет в счёт, — воскликнула мама, — тебе, конечно, нужен не шумишко, тебя больше устроили бы скрип, лязг и скрежет!.. Я тебя знаю!

— Во всяком случае, мне не нужен звук пилы, — перебил её папа.

— Я тебя не пилю,— мама даже покраснела,— но пойми, это действительно вредно. Ведь ты же знаешь, что одна капля папиросного яда убивает здоровую лошадь!

...Вот так раз! Я посмотрел на папу... Он был большой, спору нет, но всё-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещается свободно. Я очень испугался. Я никак не хотел, чтобы его убивала капля яда. Не хотел я этого никак и ни за что! От этих мыслей я долго не мог заснуть. Так долго, что не заметил, как всё-таки заснул.

А в субботу папа выздоровел, и к нам пришли гости. Пришёл дядя Юра с тётей Катей, Борис Михайлович и тётя Тамара. Все вели себя очень прилично, а тётя Тамара как только вошла, так вся завертелась и затрепала и уселась пить чай рядом с папой. За столом она стала окружать папу заботой и вниманием, спрашивала, удобно ли ему сидеть, не дует ли из окна и в конце концов до того назаботилась, что всыпала ему в чай три ложечки сахара. Папа размешал сахар, хлебнул и сморщился.

— Я уже один раз насыпала сахар в этот стакан,— сказала мама, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник.

Тётя Тамара расхохоталась во всё горло. А папа отодвинул переслащённый чай в сторону. Тогда тётя Тамара вынула из сумочки тоненький портсигарчик и подарила его папе.

— Это вам в утешение за испорченный чай,— сказала она.— Каждый раз, закуривая папироску, будете вспоминать эту смешную историю.

Я ужасно разозлился на неё за это. Зачем она напоминает папе про курение, раз он за время болезни уже почти совсем отвык. Ведь одна капля курильного яда убивает лошадь, а она напоминает. Я сказал:

«Вы дура, тётя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще вон из моего дома. Чтоб ноги вашей толстой больше здесь не было!»

Я сказал это, конечно, про себя, в мыслях, так что никто ничего не понял.

А папа взял портсигарчик и повертел его в руках:

— Спасибо, Тамара Сергеевна,— сказал папа,— я очень тронут. Но сюда не войдёт ни одна моя папироска, портсигар такой малеушкий, а я курю «Казбек». Впрочем...

Тут папа взглянул на меня.

— Ну-ка, Денис,— сказал он,— вместо того чтобы выдувать третий стакан чаю на ночь, пойди-ка к письменному столу, возьми там коробку «Казбека» и укороти папироски: обрежь так, чтобы они влезли в портсигар. Ножницы в среднем ящике!

Я пошёл к столу, нашёл папиросы и ножницы, измерил портсигар и сделал всё, как он велел. А потом отнёс полный портсигарчик папе. Папа открыл его, посмотрел на мою работу, потом на меня и весело рассмеялся:

— Полюбуйтесь-ка, что сделал мой сообразительный сын.

Тут все гости стали наперебой выхватывать друг у друга портсигарчик и оглушительно хохотать. Особенно старалась, конечно, тётя Тамара. А когда она перестала смеяться, то согнула руку и костяшками пальцев постучала по моей голове.

— Как же ты догадался оставить целыми картонные мундштуки, а почти весь табак отрезать? Ведь курят-то именно табак, а ты его отрезал? Да что у тебя в голове песок или опилки?

Я сказал: «Это у тебя в голове опилки,— Тамарице Семипудовое!»

Сказал, конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня мама заругала. Она и так смотрела на меня что-то уж чересчур пристально.

— Ну-ка, иди сюда,— мама взяла меня за подбородок.— Посмотри мне в глаза!

Я стал смотреть в мамины глаза и почувствовал, что у меня щёки стали красные, как флаги.

— Ты это сделал нарочно? — спросила мама. Я не мог её обмануть.

— Да,— сказал я,— я это сделал нарочно.

— Тогда выйди из комнаты,— сказал папа,— а то у меня руки чешутся.

Видно, папа ничего не понял. Ноя не стал ему объяснять, я вышел из комнаты.

Шутка ли — одна капля убивает лошадь!

ШЛЯПА ГРОССМЕЙСТЕРА

В то утро я быстро справился с уроками, потому что они были нетрудные. Во-первых, я нарисовал домик бабы-яги, как она сидит у окошка и читает газету. А во-вторых, я сочинил предложение: «Мы построили салаш». А больше ничего не было задано. И я надел пальто, взял с собой горбушечку свежего хлеба и пошёл гулять на бульвар. На нашем бульваре в середине есть пруд, а в пруду плавают разные лебеди, гуси и утки. В этот день был очень сильный ветер. И все листья на деревьях выворачивались наизнанку, и пруд был весь взлохмаченный, какой-то шершавый от ветра.

И как только я пришёл на бульвар, я увидел, что сегодня почти никого нет, только двое каких-то незнакомых ребят бегают по дорожке, а на скамейке сидит дяденька и сам с собой играет в шахматы. Он сидит на скамейке боком, а позади него лежит его шляпа.

И в это время ветер вдруг задул особенно сильно, и эта самая дяденькина шляпа взвилась в воздух. А шахматист ничего не заметил, сидит себе, уткнулся в свои шахматы. Он, наверно, очень увлёкся и забыл про всё на свете. Я тоже, когда играю с папой в шахматы, ничего вокруг себя не вижу, потому что очень хочется выиграть. И вот эта шляпа взлетела и плавно так начала опускаться, и опустилась как раз перед теми незнакомыми ребятами, что играли на дорожке. Они оба разом протянули к ней руки. Но не тут-то было, потому что ветер! Шляпа вдруг, как живая, подпрыгнула вверх, перелетела через этих ребят и красиво спланировала прямо в пруд! Но упала она не в воду, а нахлобучилась одному лебедю прямо на голову. Утки очень испугались, и гуси тоже. Они бросились врассыпную от шляпы, кто куда. А вот лебеди, наоборот, очень заинтересовались, что это за штука такая получилась, и все подплыли к этому лебедю в шляпе. А он изо всех сил мотал головой, чтобы сбросить шляпу, но она никак не слетала, и все лебеди глядели на эти чудеса и, наверно, очень удивлялись.

Тогда эти незнакомые ребята на берегу стали приманивать лебедей к себе. Они свистели:

— Фью-фью-фью!

Как будто лебедь — это собака!

Я сказал:

— Сейчас я их приманю хлебом, а вы притащите сюда какую-нибудь палку подлиннее. Надо всё-таки отдать шляпу тому шахматисту. Может быть, он гроссмейстер...

И я вытащил свой хлеб из кармана и стал его крошить и бросать в воду, и сколько было лебедей, и гусей, и уток, все поплыли ко мне. И у самого берега началась настоящая давка и толкотня. Просто птичий базар! И лебедь в шляпе тоже толкался и наклонял голову за хлебом, и шляпа с него, наконец, соскочила!

Она стала плавать довольно близко. Тут подоспели незнакомые ребята. Они где-то раздобыли здоровенный шест, а на конце шеста был гвоздь. И ребята сразу стали удить эту шляпу. Но немножко не доставали. Тогда они взялись за руки, и у них получилась цепочка, и тот, который был с шестом, стал опять подлавливать шляпу.

Я ему говорю:

— Ты старайся её гвоздём в самую серединку проткнуть! И подсекай, как ерша, знаешь?

А он говорит:

— Я, пожалуй, сейчас бухнусь в пруд, потому что меня слабо держат.

Я говорю:

— Дай-ка я!

Он говорит:

— Валяй! А то я обязательно бухнусь!

Я говорю:

— Держите меня оба за хлястик!

Они стали меня держать. А я взял шест двумя руками, весь вытянулся вперёд, да как размахнусь, да как шлёпнусь прямо лицом вперёд! Хорошо ещё не сильно ушибся, там была мягкая грязь, так что получилось не больно.

Я говорю:

— Что же вы плохо держите? Не умеете держать, не беритесь!

Они говорят:

— Нет, мы хорошо держим! Это твой хлястик оторвался. Весь. С мясом.

Я говорю:

— Кладите мне его в карман, а сами держите просто за пальто, за хвост пальто, небось не порвётся! Ну!

И я опять потянулся шестом к шляпе. Я подождал немного, чтобы ветерок подогнал её поближе. И всё время потихоньку пригребал её к себе.

Мне очень хотелось отдать её шахматисту. А вдруг он и вправду гроссмейстер? А может быть, это даже сам Ботвинник! Просто так вышел погулять, и всё. Ведь бывают же такие истории в жизни! Я отдам ему шляпу, а он мне скажет: «Спасибо, Денис!»

И я потом снимусь с ним на карточку и буду её потом всем показывать...

А может быть, он со мною даже согласится сыграть одну партию? А вдруг я выиграю? Бывают же такие случаи!

И тут шляпа подплыла чуть поближе, я замахнулся и вонзил ей гвоздь в самую макушку. Незнакомые ребята закричали:

— Есть!

А я снял шляпу с гвоздя. Она была очень мокрая и тяжёлая.

Я сказал:

— Надо её выжать!

И один парнишка взял шляпу за свободный конец и стал вертеть её направо. А я вертел, наоборот, налево. И из шляпы потекла вода. Мы здорово её выжали, она даже лопнула поперёк. А мальчишка, который ничего не делал, сказал:

— Ну, всё в порядке. Давайте её сюда. Я отдам её дяденьке.

Я говорю:

— Ещё чего. Я сам отдам.

Тогда он стал тянуть шляпу к себе. А второй к себе. А я к себе. И у нас случайно получилась потасовка. И они вырвали подкладку из шляпы. И всю шляпу отняли у меня.

Я говорю:

— Я хлебом приманивал лебедей, мне и отдавать!

Они говорят:

— А кто шест достал с гвоздём?

Я говорю:

— А чей хлястик оторвался?

Тогда один из них говорит:

— Ладно, уступи ему, Маркушка! Его всё равно ещё дома выдерут за хлястик!

Маркушка сказал:

— На, бери свою несчастную шляпу.

И наподдал ногой, как мяч.

А я схватил её и быстро побежал в конец аллеи, где сидел шахматист. Я подбежал к нему и сказал:

— Дяденька, вот вам ваша шляпа!

— Где? — спросил он.

— Вот, — сказал я и протянул ему шляпу.

Он сказал:

— Ты ошибаешься, мальчик! Моя шляпа здесь, — и он оглянулся назад. А там, конечно, ничего не было.

Тогда он закричал:

— В чём дело? Где моя шляпа, я вас спрашиваю?!

Я немножко отошёл от него и опять сказал:

— Вот она. Вот. Разве вы не видите?

А он прямо задохнулся:

— Что ты мне суёшь этот кошмарный блин? У меня была новенькая шляпа, где она?! Отвечай сейчас же!

Я ему говорю:

— Вашу шляпу унёс ветер, и она попала в пруд. Но я её уцепил гвоздём. А потом мы выжали из неё воду. Вот она. Берите... А это подкладка!

Он сказал:

— Сейчас я сведу тебя к твоим родителям!!!

Я сказал:

— Мама в институте. Папа на заводе. А вы, случайно, не Ботвинник?

Он совсем рассердился:

— Уйди, мальчик! Скройся с глаз! А то я тебе подсыплю!

Я ещё чуть-чуть отошёл и сказал:

— А то давайте сыграем?

Он в первый раз посмотрел на меня как следует. Он сказал:

— А ты разве умеешь?

Я сказал:

— Ого!

Тогда он вздохнул и сказал:

— Ну, садись!

ПОХИТИТЕЛЬ СОБАК

Ещё вот какая была история. Когда я жил у дяди Володи на даче, недалеко от нас жил Борис Климентьевич, худой такой дяденька, весёлый, с палкой в руке, и высокий, как забор.

У него была собачка под заглавием Чапка. Очень хорошая собачка: чёрная, мохнатая, морда кирпичом, хвостик торчком. Я с ней очень подружился.

Вот один раз Борис Климентьевич задумал идти купаться, а Чапку не захотел с собой брать. Потому что она уже один раз ходила с ним на пляж и из этого вышла скандальная история. В тот раз Чапка полезла в воду, а в воде плавала одна нервная тётенька. Она плавала на автомобильной камере, чтоб не утонуть. И она сразу закричала на Чапку:

— Пошла вон! Вот ещё не хватало собачью заразу напускать! — И стала брызгать на Чапку: — Вон пошла, вон!

Чапке это не понравилось, и она прямо на плаву хотела эту тётку цапнуть, но до неё не достала, а камеру всё-таки ухватила своими остренькими зубками. Один только разик куснула, но камера зашипела и выдохлась. А нервная тётенька подумала, что она тонет, и завизжала:

— Тону, спасите!

Весь пляж страшно перепугался. И Борис Климентьевич кинулся эту тётку спасать. Там, где она барахталась, ему река была по пояс, а ей по плечи. Он её спас, а Чапку постегал прутиком. Для виду, конечно. И с тех пор он перестал брать Чапку на реку.

И вот теперь он попросил меня погулять во дворе с Чапкой, чтобы она не увязалась за ним. Я вошёл во двор, и мы стали с Чапкой носиться, ку-

вырваться, прыгать, подскакивать, вертеться и лаять, и визжать, и смеяться, и валяться. А Борис Климентьевич спокойно ушёл, и мы с Чапкой вдвоём набаловались, а в это время мимо забора шёл Ванька Дыхов с удочкой.

Он говорит:

— Дениска, рыбу ловить!

Я говорю:

— Не могу, я Чапку стерегу!

Он говорит:

— Посади её в дом. Захвати свой бредень и догоняй.

И пошёл дальше. А я взял Чапку за ошейник и тихонечко поволок по траве. Она легла, лапки кверху и поехала, как на салазках. Я открыл дверь, втащил её в коридор, дверь прикрыл и пошёл за бреднем. Когда я опять вышел на дорогу, Ваньки уже не было. Он скрылся за углом. Я полетел его догонять и вдруг возле продовольственной палатки вижу — на самой середине дороги сидит моя Чапка, язык высунула и смотрит на меня как ни в чём не бывало... Вот так да! Это значит, я дверь плохо прикрыл или она ещё как-то исхитрилась и, наверное, пробежала дворами, а теперь сидит — встречает. Умна! Но ведь мне надо спешить. Там Ванька уже, наверное, рыбу таскает, а я тут с ней возись. Главное, я, может, и взял бы её с собой, но Борис Климентьевич может вернуться и, если он её не застанет дома, разволнуется, бросится искать и потом меня будет ругать... Нет, так дело не пойдёт. Придётся её обратно волоочь. Я схватил её за ошейник и потащил домой. На этот раз Чапка упиралась в землю всеми четырьмя лапами. Она волоклась за мной на своём животе, как лягушка. Я её еле доволок до дома. Приоткрыл чуть-чуть дверь, впихнул её и дверь хлопнул крепко-накрепко. Она там зарычала и залаяла, но я не стал её утешать. Я обошёл весь дом, позакрывал все окна и калитку тоже. И хотя я очень устал от возни с Чапкой, я всё-таки припустился бежать к реке. Я довольно быстро бежал и, когда я уже поравнялся с трансформаторной будкой, из-за неё выскочила... опять Чапка! Я даже оторопел. Я просто не верил своим глазам. Я подумал, что она мне снится. Но тут Чапка стала делать вид, что она меня сейчас укусит за то, что я её оставил дома. Рычит и лает на меня! Чёртова собака! Ну, погоди же, я тебе покажу! И я стал хватать её за ошейник, но она не давалась, она увёртывалась, хрипела, отскакивала, и всё время лаяла. Тогда я стал её приманивать:

— Чапочка, Чапочка, тю-тю-тю, лохмушенька, на-на-на!

Но она продолжала издеваться и не давала себя поймать. Главное, мне мешал мой бредень, у меня была не та ловкость. И мы так долго скакали вокруг будки. И вдруг я вспомнил, что недавно видел в телевизоре картину «Тропюю джунглей». Там показано, как в Китае охотники ловят обезьян сетями. Я сразу сообразил, взял свой бредень, как сачок, и хлоп! накрыл Чапку, как обезьяну. Она прямо взвыла от злости, но я быстро закутал её как следует, перекинул бредень через плечо и, как настоящий охотник, потащил её домой через весь посёлок. Чапка висела у меня за спиной в сетке, как в гамаке, и только изредка подвывала. Но я уже не обращал на неё никакого внимания, а просто взял её и вытряхнул в окошко и припёр его снаружи палкой. Она сразу там залаяла и зарычала на разные голоса, а я уже в третий раз побежал за Ванькой. Это я так рассказываю быстро, а на самом деле времени прошло очень много. И вот у самой реки я встретил Ваньку. Он шёл весёлый, а в руке у него была травинка, а на травинке нанизаны две уклейки, большие, с чайную ложку каждая. Я говорю:

— Ого! А у тебя, я вижу, здорово клевало!

Ванька говорит: — Да, просто не успевал вытаскивать! Давай отнесём эту рыбу моей маме на уху, а после обеда снова пойдём. Может, и ты что-нибудь поймаешь.

И так за разговором мы незаметно дошли до дома Бориса Климентьевича. А около его дома стояла небольшая толпа. Там был дядька в полосатых штанах, с животом, как подушка, и ещё там была гражданка тоже в штанах и с голой спиной. Был ещё мальчишка в очках и ещё кто-то. Они все размахивали руками и что-то кричали. А потом мальчишка в очках увидел меня, да как закричит:

— Вот он, вот он сам собственной персоной!

Тут все обернулись на нас, и дяденька-подушка завопил:

— Который?! С рыбой или маленький?!

Мальчишка с очками кричит:

— Маленький! Хватайте его! Это он!

И они все кинулись ко мне. Я немножко испугался и быстро отбежал от них, бросил бредень и влез на забор. Это был высокий забор: нипочём снизу не достать. Гражданка с голой спиной подбежала к забору и стала кричать нечеловеческим голосом:

— Отдай сейчас же Бобку! Куда ты его девал, негодник?

А дядька уткнулся животом в забор, кулаками стучит:

— А где моя Люська? Ты куда её увёл? Признавайся!

Я говорю:

— Отойдите от забора. Я никакого Бобку не знаю и Люську тоже. Я даже с ними не знаком! Ванька, скажи им!

Ванька говорит:

— Что вы напали на ребёнка? Я вот сейчас как сбегая за мамой, тогда узнаете!

Я кричу:

— Ты беги скорее, Ванька, а то они меня растерзают!

Ванька кричит:

— Держись, не слезай с забора! И побежал.

А дядька говорит:

— Это соучастник, не иначе. Их тут целая шайка! Эй, ты, на заборе, отвечай сейчас же, где Люся?

Я говорю:

— Следите сами за своей доченькой!

А он:

— Ах, ты ещё острить? Слезай сию минуту и пойдём в прокуратуру.

Я говорю:

— Ни за что не слезу!

Тогда мальчишка в очках говорит:

— Сейчас я его достану!

И давай карабкаться на забор. Но вижу — не умеет. Потому что не знает, где гвоздь, чтобы уцепиться. А у меня этот забор сто раз лазенный. Да я ещё этого мальчишку пяткой отпихиваю. И он, слава богу, срывается.

— Стой, Павля, — говорит дядька-подушка, — давай я тебя подсажу!

И этот Павля стал карабкаться на этого дядьку. И я опять испугался, потому что Павля был здоровый парень, наверное, учился уже в третьем или в четвёртом классе. И я подумал, что мне пришёл конец, но тут я вижу бежит Борис Климентьевич, а из переулка Ванькина мама и Ванька. Они кричат:

— Стойте? В чём дело?

А дядька орёт:

— Ни в чём не дело! Просто этот мальчишка ворует собак! Он у меня собаку украл, Люсю!

И гражданка в штанах добавляет:

—И у меня украд. Бобку!

— Ни за что не поверю, хоть режьте,— говорит Ванькина мама.

А мальчишка в очках вмешивается:

— Я сам видел. Он нёс нашу собаку в сетке, за плечами! Я сидел на чердаке и видел!!

Я говорю:

— Не стыдно врать? Я Чапку нёс. Она из дому удрала!

Борис Климентьевич говорит:

— Это довольно положительный мальчик. С чего бы ему вдруг вступить на стезю преступлений и начать воровать собак? Пойдёмте в дом, разберёмся! Иди, Денис, сюда!

Он подошёл к забору, и я перелез прямо к нему на плечи.

Тут все пошли во двор. Дядька фыркал, гражданка в штанах ломала пальцы, очкастый Павля шёл за ними, а я катился на Борисе Климентьевиче. Мы взошли на крыльцо, Борис Климентьевич открыл дверь, и вдруг оттуда выскочили три собаки! Три Чапки!!! Совершенно одинаковые! Я подумал, что это у меня в глазах троится.

— Люсечка! — крикнул дядька.

И одна Чапка кинулась и вскочила ему прямо на живот!

А гражданка в брюках и Павля вопят:

— Бобик! Бобка!

И рвут второго Чапку пополам, она за передние ноги тянет к себе, а он за задние к себе! И только третья собака стоит возле нас и вертикально хвостит. То есть хвостиком вертит.

Борис Климентьевич говорит:

— Вот ты с какой стороны раскрылся? Я этого не ожидал. Ты зачем напихал полный дом чужих собак?

Я сказал:

— Я думал, они Чапки! Ведь как похожи! Одно лицо. Прямо вылитые собачьи близнецы.

И я всё рассказал по порядку. Тут все стали хохотать, а когда успокоились, Борис Климентьевич сказал:

— Конечно, неудивительно, что ты обознался. Скоптерьеры очень похожи друг на друга, настолько, что трудно бывает различить их. Вот и сегодня не мы, люди, узнали своих собак, а собаки узнали нас. Так что ты ни в чём, по совести говоря, не виноват. Но всё равно, знай, что с этих пор я буду называть тебя: «Похититель собак»!

...И, правда, он так меня называет...

КОТ В САПОГАХ

— Мальчики и девочки,— сказала Раиса Ивановна.— Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь.— И Раиса Ивановна собрала тетрадки и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

Я сказал:

— Там видно будет.

И забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вёл себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шёл снег, и всё время думал, когда же мама вернётся, и зачёркивал клеточки на своём календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

— Идёшь ты или нет?

Я спрашиваю:

— Куда?

Мишка кричит:

— Как куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

— У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

— Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть по-чудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

— Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы — это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь, первое дело бахилы. Нипочём ноги не промочишь.

Мишка говорит:

— А ну, надевай, посмотрим, что получится!

Я, прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

— А шапку какую?

Я говорю:

— Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

Мишка говорит:

— Давай её скорей!

Достал я шапку, надел. Оказалась немножко великовата, съзжает до носа, но всё-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

— Хороший костюм, только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

— Может быть, он значит «Мухомор»?

Мишка засмеялся:

— Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

— Сказал тоже! «Старый рыбак»! А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

— Ох! Настоящий кот в сапогах!

И тут я сразу догадался, что значит мой костюм! Я «кот в сапогах». Только жалко, хвоста нет! И спрашиваю:

— Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

— Разве я очень похожа на чёрта?

— Нет, не очень, — говорю я. — Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, поделитесь, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

— Одну минуточку! — и вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с чёрными пятнами.

— Вот,— говорит,— это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдёт.

Я сказал «большое спасибо» и понёс хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

— Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколёт меня.

Я закричал:

— Потихе ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьёшь прямо по живому?

Мишка сказал:

— Это я немножко не рассчитал! — да опять как кольнёт!

Я говорю:

— Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну.

А он:

— Я в первый раз в жизни шью!

И опять — коль!!!

Я прямо заорал:

— Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

— Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три с каждой стороны, длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо и все в костюмах. Одних гномов было человек пятьдесят. И ещё было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка. И мы все очень веселились и танцевали. И я тоже танцевал, но всё время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже как на зло постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша октябратская вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

— Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошёл на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошёл со сцены, и когда сходил, то опять споткнулся и упал и вывалился из сапог, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

— Конечно, гномов много, а ты один!

— Да,— сказал я,— но все гномы были так себе, а ты был очень смешной и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

— Не надо, что ты!?

Я спросил:

— Ты какую хочешь?

Он сказал:

— «Дядю Стёпу»!

И я дал ему «Дядю Стёпу».

А дома я скинул свои огромные бахилы и побежал к календарю и зачеркнул сегодняшнюю клеточку. А потом зачеркнул уж и завтрашнюю. Посмотрел, а до маминого приезда осталось всего три дня!

МОТОГОНКИ ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

Ещё когда я был маленький, мне подарили трёхколёсный велосипед. И я на нём выучился ездить. Сразу сел и поехал, нисколько не боясь, как будто я всю жизнь ездил на велосипедах.

Мама сказала:

— Смотри, какой он способный к спорту!

А папа сказал:

— Сидит довольно обезьяновато...

А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как весёлые артисты в цирке. Например я ездил задом наперёд или лёжа на седле и вертя педали какой угодно рукой — хочешь правой, хочешь левой;

ездил боком, растопыря ноги;

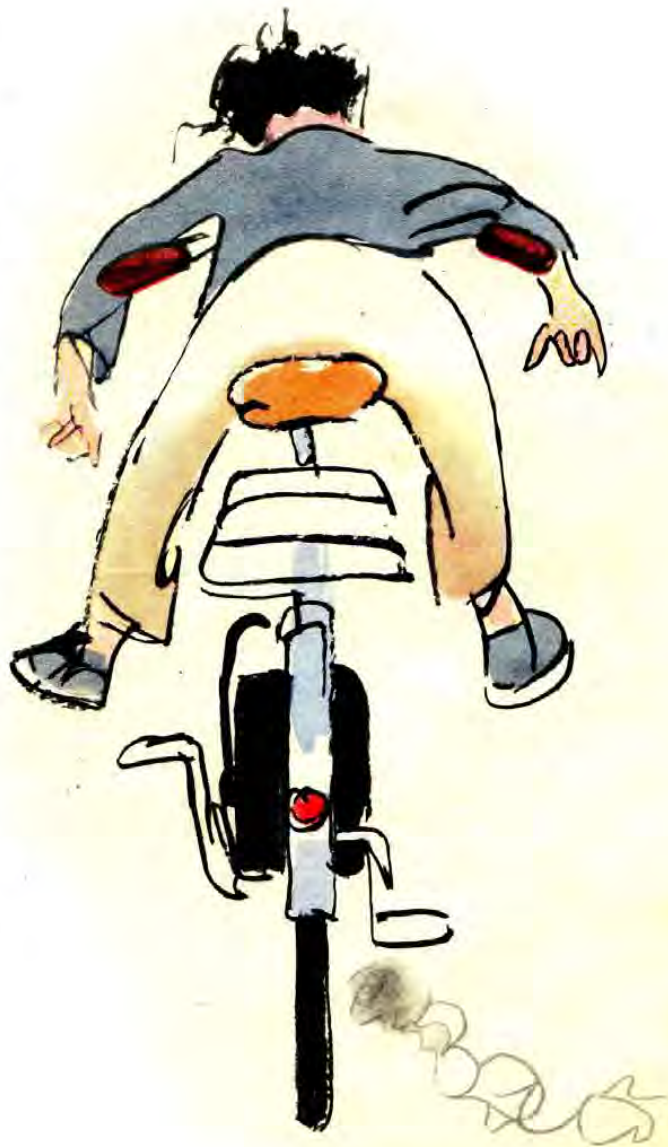
ездил, сидя на руле, а то зажмурясь и без рук;

ездил со стаканом воды в руке. Словом, наловчился по-всякому... А потом дядя Женя отвернул у моего велосипеда одно колесо, и он стал двухколёсным, и я опять очень быстро всё заучил. И ребята во дворе стали меня называть «чемпион мира и его окрестностей».

И так я катался на своём велосипеде до тех пор, пока колени у меня не стали во время езды подниматься выше руля. Тогда я догадался, что я уже вырос из этого велосипеда, и стал думать, когда же папа купит мне настоящую машину «Школьник».

И вот однажды к нам во двор въезжает велосипед. И дяденька, который на нём сидит, не крутит ногами, а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет сам. Я ужасно удивился. Я никогда не видел, чтобы велосипед ехал сам. Мотоцикл это другое дело, автомобиль тоже, ракеты — ясно, а велосипед? Сам?

Я просто глазам своим не поверил.

А этот дяденька, что на велосипеде, подъехал к Мишкиному парадному и остановился. И он оказался совсем не дяденькой, а молодым парнем. Потом он поставил велосипед около трубы и ушёл. А я остался стоять тут же с разинутым ртом. Вдруг выходит Мишка.

Он говорит:

— Ну? Чего уставился?

Я говорю:

— Сам едет, понял?

Мишка говорит:

— Это нашего племянника Федьки машина. Велосипед с мотором. Федька к нам приехал по делу — чай пить.

Я спрашиваю:

— А трудно такой машиной управлять?

— Ерунда на постном масле, — говорит Мишка, — она заводится с полоборота. Один раз нажмёшь на педаль и готово — можешь ехать. А бензину в ней на сто километров. А скорость двадцать километров за полчаса.

— Ого! Вот это да! — говорю я. — Вот это машина! На такой бы покататься бы!

Тут Мишка покачал головой.

— Влетит. Федька убьёт. Голову оторвёт!

— Да. Опасно, — говорю я.

Но Мишка огляделся по сторонам и вдруг заявляет:

— Во дворе никого нет, а ты всё-таки «чемпион мира», садись! Я помогу разогнать машину, а ты один разок толкни педаль, и всё пойдёт, как по маслу. Объедешь вокруг садика два-три круга, и мы тихонечко поставим машину на место. Федька у нас чай подолгу пьёт. По три стакана дует. Давай!

И Мишка стал держать велосипед, а я на него взгромоздился. Одна нога, действительно, доставала самым носком до края педали, зато другая висела в воздухе, как макаронина. Я этой макарониной отпихнулся от трубы, а Мишка побежал рядом и кричит:

— Жми педаль, жми, давай!

Я постарался, съехал чуть набок с седла, да как нажму на педаль. Мишка чем-то щёлкнул на руле... И вдруг машина затрещала, и я поехал!

Я поехал! Сам. На педали не жму — не достаю, а только еду, соблюдаю равновесие!

Это было чудесно! Ветерок сразу засвистел у меня в ушах, всё вокруг понеслось быстро-быстро по кругу: столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление, и опять столбик, и всё сначала, и я ехал, вцепившись в руль, а Мишка всё бежал за мной, но на третьем круге он крикнул:

— Я устал! — И прислонился к столбику.

А я поехал один, и мне было очень весело, и я всё ездил и воображал, что участвую в мотогонках по отвесной стене. Я видел в парке культуры, так мчалась отважная артистка...

И столбик, и Мишка, и качели, и домоуправление — всё мелькало передо мной довольно долго, и всё было очень хорошо, только ногу, которая висела, как макаронина, стали немножко колоть мурашки... И ещё мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться.

Я доехал до Мишки и крикнул:
— Хватит! Останавливай!

Мишка побежал за мной и кричит:

— Что? Говори громче!

Я кричу:

— Ты что, оглох что ли?

Но Мишка уже отстал. Тогда я проехал ещё круг и закричал:

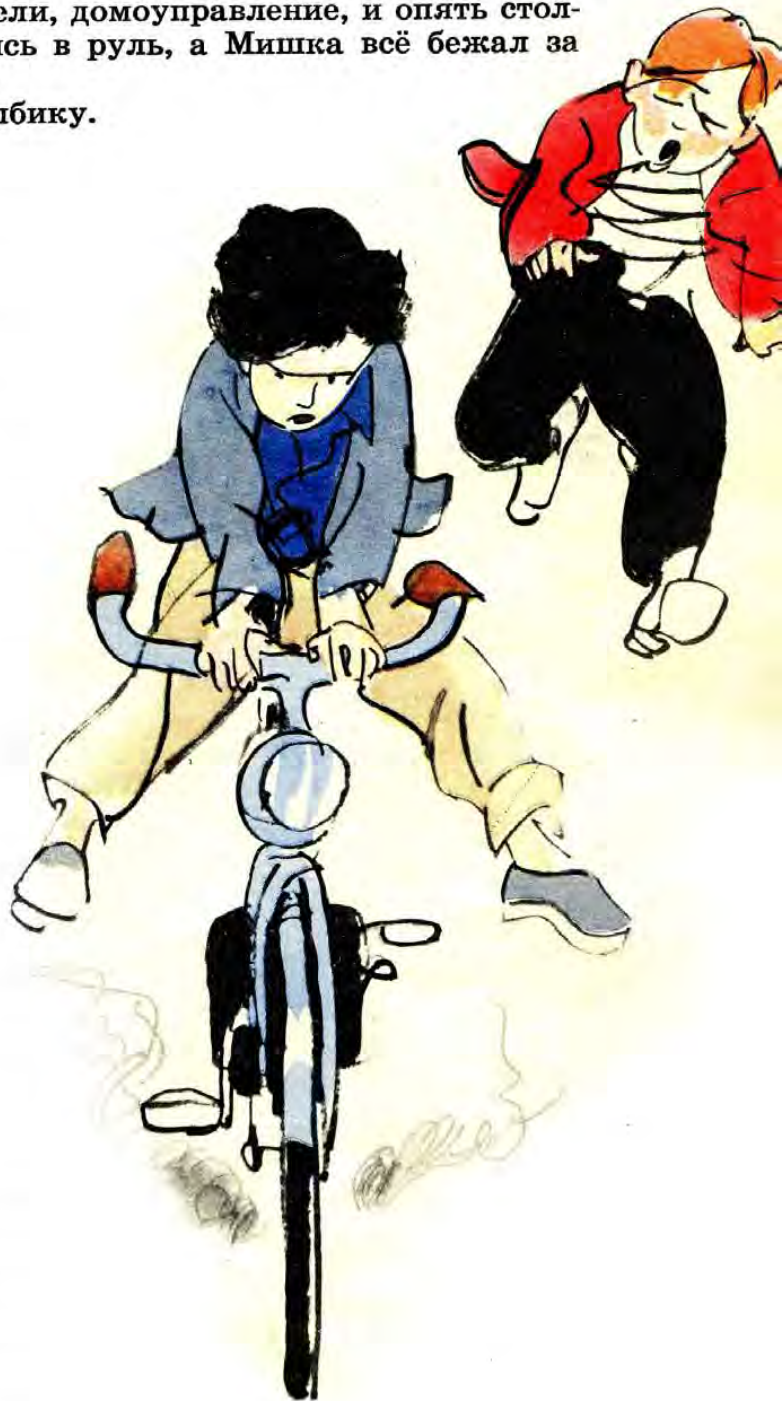
— Останови машину, Мишка!

Тогда он схватился за руль, машину качнуло, он упал, а я опять поехал дальше.

Гляжу, он снова встречает меня у столбика и орёт:

— Торрмоз! Торрмоз!

Я промчался мимо него и стал искать этот тормоз. Но ведь я же не знал, где он! Я стал крутить разные винтики и что-то нажимать на руле. Куда там! Никакого толку! Машина трещит себе как ни в чём не бывало, а у меня в макаронную ногу уже тысячи иголок впиваются!

— Ты вспомни!

— Ладно, вспомню, ты пока покрутись ещё немножко!

— Ты скорей вспоминай, Мишка! — кричу я.

И проехал дальше и чувствую, что мне уже совсем не по себе, тошно как-то. А на следующем кругу Мишка опять кричит:

— Не могу вспомнить! Ты лучше попробуй спрыгни!

А я ему:

— Меня тошнит!

Если б я знал, что так получится, ни за что бы не стал кататься, лучше пешком ходить, честное слово!

А тут опять впереди Мишка кричит:

— Надо достать матрац, на котором спят! Чтоб ты в него врезался и остановился! Ты на чём спишь?

Я кричу.

— На раскладушке!

А Мишка.

— Тогда езд, пока бензин не кончится!

Я чуть не переехал его за это. «Пока бензин кончится». Это, может быть, ещё две недели так носиться вокруг садика, а у нас на вторник билеты в кукольный театр. И ногу колет! Я кричу этому дуралею:

— Сбегай за вашим Федькой!

— Он чай пьёт! — кричит Мишка.

— Потом допьёт! — ору я.

— Убьёт! Обязательно убьёт! — соглашается Мишка.

И опять всё завертелось передо мною: столбик, ворота, скамеечка, песочник, грибки от дождя, качели, домоуправление. Потом наоборот: домоуправление, качели, песочник, дождя от грибки, скамеечка, столбик, а потом пошло вперемешку: домик, столбоуправление, качели, ворота от дождя, грибеечка... и я понял, что дело плохо.

Но в это время кто-то сильно схватил машину, она перестала трещать, и меня довольно крепко хлопнули по затылку. Я сообразил, что это Мишкин Федька, наконец, почайпил. И я тут же кинулся бежать, но не смог, потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал. Но я всё-таки не растерялся и ускакал от Федьки на одной ноге.

И он не стал догонять меня.

А я на него не рассердился за подзатыльник. Потому что без него я, наверно, кружил бы по двору до сих пор.

НАДО ИМЕТЬ ЧУВСТВО ЮМОРА

Один раз мы с Мишкой делали уроки. Мы положили перед собой тетрадки и списывали. И в это время я рассказывал Мишке про лемуру: что у них большие глаза, как стеклянные блюдечки, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, сам маленький-маленький и ужасно симпатичный.

Потом Мишка спрашивает:

— Написал?

Я говорю:

— Уже.

— Ты мою тетрадку проверь,— говорит Мишка,— а я твою.

И мы поменялись тетрадками. И я как увидел, что Мишка написал, так сразу стал хохотать. Гляжу, а Мишка тоже покатывается со смеху.

Я говорю:

— Ты чего, Мишка, покатываешься?

А он:

— Я покатываюсь, что ты неправильно написал. А ты чего?

Я говорю:

— А я то же самое, только про тебя. Гляди, ты написал: «Наступили мозы». Это кто такие — «мозы»?

Мишка покраснел:

— Мозы, это, наверное, морозы. А ты вот написал: «Натала зима». Это что такое?

— Да,— сказал я,— не «натала», а настала. Ничего не попишешь, надо переписывать. Это всё лемуры виноваты.

И мы стали переписывать. А когда переписывали, я сказал:

— Давай задачи задавать!

— Давай,— сказал Мишка.

В это время пришёл папа. Он сказал:

— Здравствуйте, товарищи студенты...— И сел к столу.

— Вот, папа, послушай,— говорю я,— какую я Мишке задам задачу: у меня есть два яблока, а нас трое, как разделить их среди нас поровну?

Мишка сейчас же надулся и стал думать. Папа не надувался, но тоже задумался. Они думали долго. Тогда я сказал:

— Сдаёшься, Мишка?

— Сдаюсь!— говорит он.

А я говорю:

— Чтобы мы все получили поровну, надо из этих яблок сварить компот,— и стал хохотать. Это меня тётя Мила такой задаче научила.

Мишка надулся ещё больше. Тогда папа сощурил глаза и сказал:

— Ну раз ты такой хитрый, Денис, дай-ка я задам тебе задачу.

— Давай — задавай,— сказал я.

Папа походил по комнате:

— Ну, слушай,— сказал он.— Один мальчишка учится в I классе «В». Его семья состоит из четырёх человек. Мама встаёт в семь часов и тратит

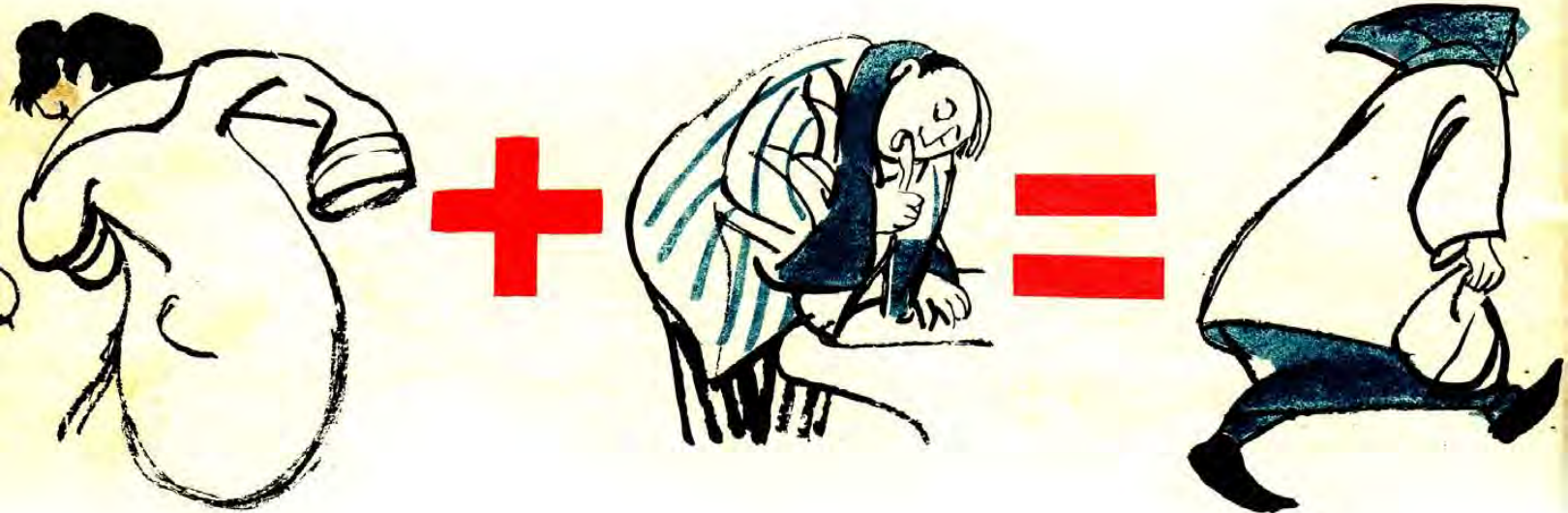
на одевание десять минут. Зато папа чистит зубы пять минут. Бабушка ходит в магазин столько, сколько мама одевается плюс папа чистит зубы. А дедушка читает газеты столько, сколько бабушка ходит в магазин минус во сколько встаёт мама. Когда они собираются все вместе, они начинают будить этого мальчишку из I-го класса «В». На это уходит время чтения дедушкиных газет плюс бабушкино хождение в магазин. Когда мальчишка из I-го класса «В» просыпается, он потягивается столько времени, сколько одевается мама плюс папина чистка зубов. А умывается он, сколько дедушкины газеты, делённые на бабушку. На уроки он опаздывает на столько минут, сколько он потягивается, плюс умывается, минус мамино вставанье, умноженное на папины зубы. Спрашивается, кто же этот мальчишка из I-го класса «В» и что ему грозит, если это будет продолжаться? Всё!

Тут папа остановился посреди комнаты и стал смотреть на меня. А Мишка захохотал во всё горло и тоже стал смотреть на меня. Они оба смотрели на меня и хохотали.

Я сказал:

— Я не могу сразу решить эту задачу, потому что мы ещё этого не проходили.

И больше я не сказал ни слова, а вышел из комнаты, потому что сразу догадался, что в ответе этой задачи получится лентяй и что такого скоро выгонят из школы. Я вышел из комнаты в коридор, залез за вешалку и стал думать, что если это задача про меня, то это неправда, потому что я всегда встаю довольно быстро и потягиваюсь совсем недолго, ровно столько, сколько нужно. И ещё я подумал, что если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома, прямо на целину. Там

работа всегда найдётся, там люди нужны, особенно молодёжь. Я там буду покорять природу, и папа приедет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку и скажу:

— Здравствуй, папа!— и пойду дальше покорять.

А он скажет:

— Тебе привет от мамы...

А я скажу:

— Спасибо... Как она поживает?

А он скажет:

— Ничего!

А я скажу:

— Наверно, она забыла своего единственного сына?

А он скажет:

— Что ты, она похудела на тридцать семь кило.

А что я ему скажу дальше, я не успел придумать, потому что на меня упало пальто и папа вдруг прилез за вешалку. Он меня увидел и сказал:

— Ах ты вот где? Что у тебя за такие глаза? Неужели ты принял задачу на свой счёт?

Он поднял пальто и повесил его на место и сказал дальше:

— Я это всё выдумал. Такого мальчишки и на свете-то нет, не то что в вашем классе!

И папа взял меня за руки и вытащил из-за вешалки.

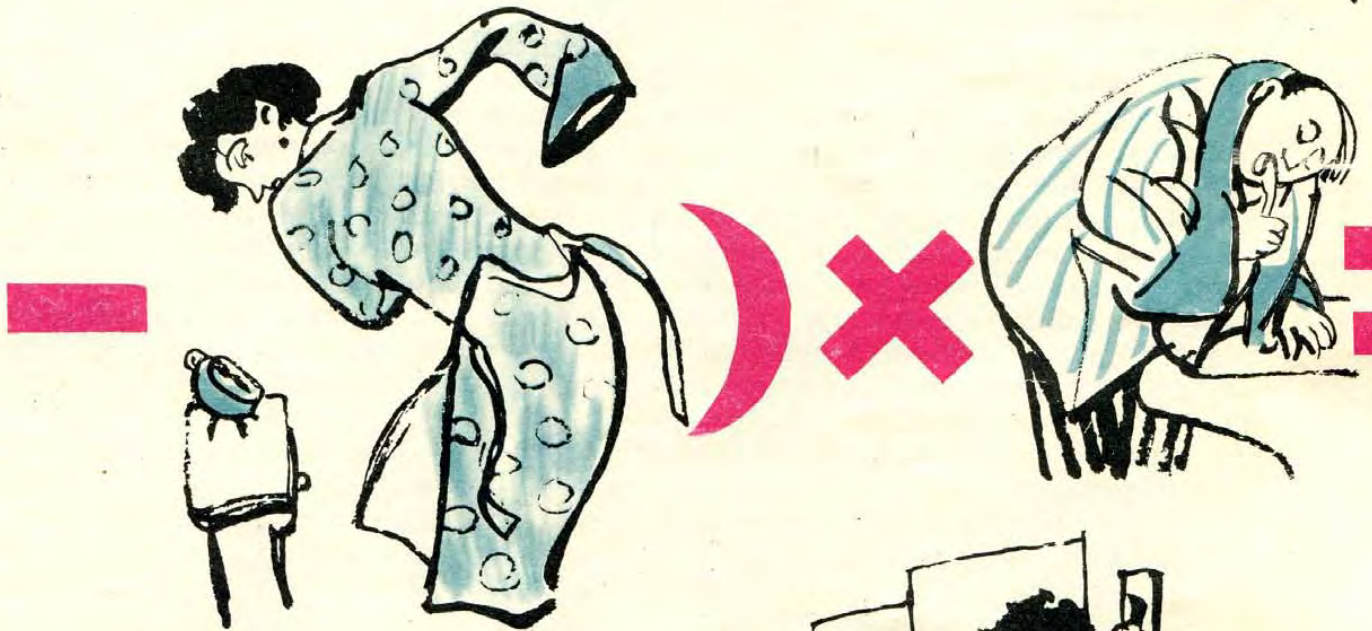
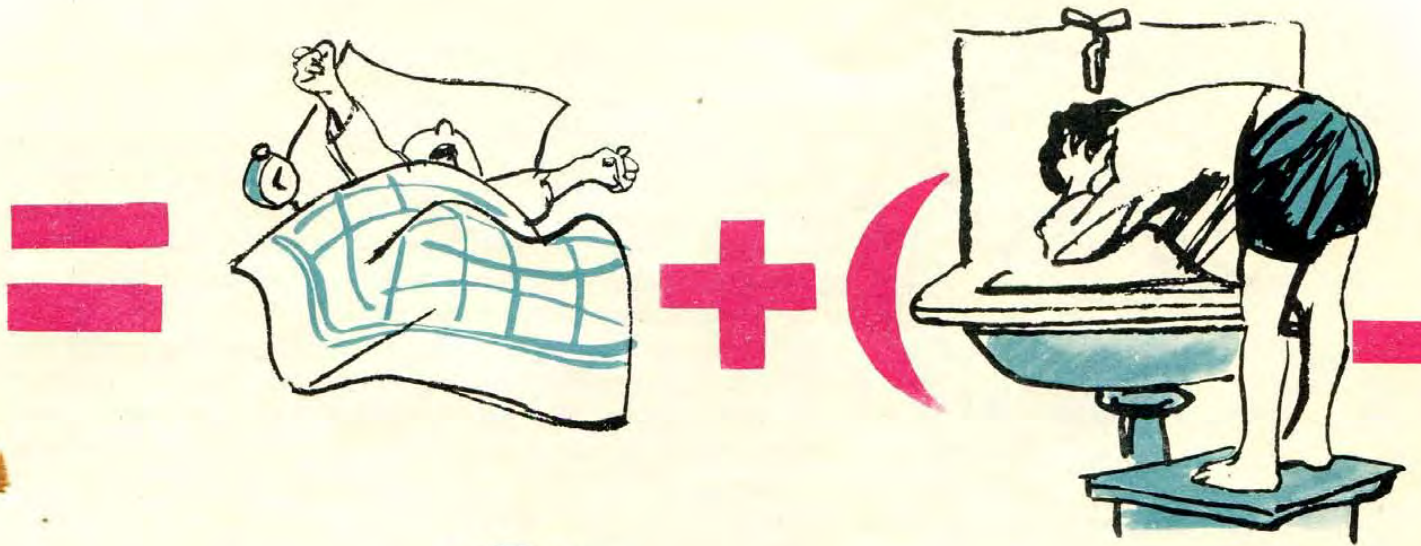
Потом ещё поглядел на меня и улыбнулся:

— Надо иметь чувство юмора, —
сказал он мне, и глаза у него стали
весёлые-весёлые. — А ведь это смеш-
ная задача, правда? Ну! Засмейся!
И я засмеялся.
И он тоже.
И мы пошли в комнату.

СВЕРХУ ВНИЗ, НАИСКОСОК!

В то лето, когда я ещё не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора была насыпана огромная куча песка. И мы играли на этом песке в разгром фашистов под Москвой или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело всё это время, и мы подружались с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принёс слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Алёнка показала монтёрам, где у нас чёрный ход. И мы ещё много помогали, только сейчас я уже не помню.

А потом как-то незаметно ремонт стал кончаться, рабочие стали уходить один за другим, и дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжёлую железку и тоже ушёл...

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: на них на всех были мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твёрдые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах эти девушки носили шапки из газет, и это тоже было очень красиво. Эти девушки были маляры и назывались бригада. Они были очень весёлые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Алёнка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них всё получается складно и аккуратно.

Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

И однажды мы к ним подошли, и тётя Санька сказала:

— Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, сколько сейчас времени?

Я сбегал и узнал.

Я сказал:

— Без пяти двенадцать, тётя Санька...

Она сказала:

— Шабаш, девчата! Я в столовую! — и пошла со двора. И тётя Раечка и тётя Нелли пошли за ней на обед.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово, ровно и коричнево. С небольшой краснотой.

Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

— Интересно, а если я покачаю этот насос, краска пойдёт?

Алёнка говорит:

— Спорим, не пойдёт?!

Тогда я говорю:

— А вот спорим, пойдёт!

Тут Мишка говорит:

— Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была такая нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

— Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку, краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

— Ура!— закричала Алёнка.— Пошло! Пошло-поехало!

И подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Алёнкина нога стала гладкая, коричневая с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

— Здорово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Алёнка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил её сверху донизу, два раза.

Тогда Мишка говорит:

— Люди добрые, как красиво! Ноги совсем, как у настоящего индейца! Крась же её скорей!

Я спрашиваю:

— Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Алёнка прямо завизжала от восторга:

— Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка!

Тогда Мишка приналёг на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Алёнку поливать краской. Я замечательно её покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики, и стала она вся коричневая, только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

— Мишка, как думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

— Ну конечно! Крась скорей! Быстрей давай!

И Алёнка торопит:

— Давай, давай и волосы давай! И уши!

Я быстро закончил её красить и говорю:

— Иди, Алёнка, на солнце пообсохни! Эх, что бы ещё покрасить?

А Мишка:

— Вон, видишь, наше бельё сушится? Скорей давай крась!

Ну с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошёл в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает:

— Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешёл на дверь. Сверху вниз! Сверху вниз! Снизу вверх! Наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из неё вышел наш управдом Алексей Акимыч, в белом костюме.

Он прямо остолбенел.

И я тоже. Мы оба были, как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только помахиваю сверху вниз, снизу вверх, наискосок. А у него глаза расширились, и ему даже в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает и знает себе ладит своё:

— Крась давай, быстрей давай!

И Алёнка сбоку вытанцовывает:

— Я индейка! Я индейка!

Ужас!..

...Да, здорово нам тогда влетело. Мишка две недели бельё стирал. А Алёнку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм, потому что старый, хоть и вычистили, но он в химчистке потерялся. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я всё-таки вышел, и тётки Санька, Раечка и Нелли сказали:

— Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмём. Будешь маляром!

И с тех пор я стараюсь расти побыстрей.

СМЕРТЬ ШПИОНА ГАДЮКИНА

Оказывается, пока я болел на улице стало совсем тепло, и до весенних каникул осталось два или три дня. Когда я пришёл в школу, все закричали:
— Дениска пришёл, ура!

И я очень обрадовался, что пришёл и что все ребята сидят на своих местах — и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна весёлая, и всё-всё как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на переменке, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

— А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

— Ну да?

Мишка сказал:

— Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвёртого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!..

Я сказал:

— А ты, Мишка, будешь выступать?

Он сказал:

— Подрастёшь, узнаешь!

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Дома я всё это сообщил маме, а потом сказал:

— Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и спрашивает:

— А что ты умеешь делать?

Я сказал:

— Как, мама? Разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Всё равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

— Ты споёшь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем, — она вышла из-за шкафа. — Это так приятно быть зрителем: сидишь, смотришь как артисты выступают. Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступали, будут зрителями. Ладно?

Я сказал:

— Ладно. Тогда я буду зрителем.

И на другой день я пошёл на концерт. Мама не могла со мною пойти: она дежурила в институте, а папа как раз уехал на какой-то завод, на Урал, и я пошёл на концерт один.

В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем наш Борис Сергеевич. И мы все уселись, а вдоль стенок разместились бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся, и появилась наша октябрятская вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио: — Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик 1-го класса «В» Миша Слонов прочтёт нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали, и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошёл до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперёд левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он вдруг убрал левую ногу и выставил вперёд правую. Все молчали. Тогда Мишка снова переключил правую на левую. Потом он вдруг стал откашливаться.

— Кхм! Кхма! Кhme!

Я сказал:

— Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня, как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

СТИХ

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше всё, всё!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только, Мишка сам их сочинил. Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

— Выступает Валерий Терёхин, первый класс «В»!

Все опять захлопали ещё сильнее, а Люся поставила стул на самой середке, и тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны», и все слушали, и я тоже слушал и всё время думал, как это Валерка так быстро перебирает пальцами? И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка, она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл... И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немного покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться, но пальцы до-

бежали до какого-то места и опять остановились, ну просто как будто споткнулись.

Валерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они всё равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но в это время, на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вытянула шею, вся подалась вперёд и запела.

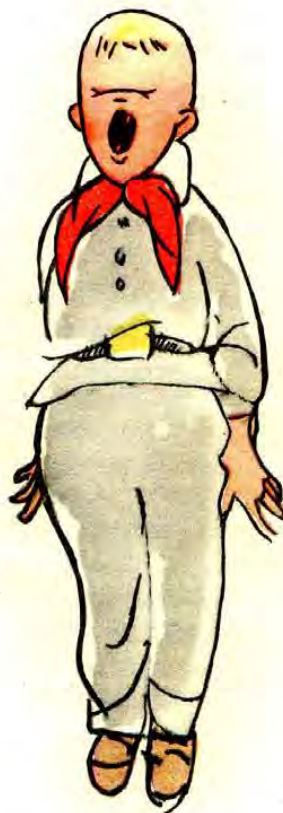
...Серебрятся волны,

Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко, до самого конца. Вот уж ему хлопали, так хлопали!

А его бабушка даже кричала «бис»!

После этого на сцену выскочили шесть девочек из 1-го «А» и шесть мальчиков из 1-го «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак и топали ногами так, что пыль на сцене поднялась столбом, и я два раза чихнул. Борис Сергеевич играл ничего себе, хотя можно было бы играть погромче. Потом он сильно ударил по клавишам и кончил играть.

А мальчишки и девчонки ещё топали по сцене, сами, без музыки, кто как, и это было очень весело и красиво, и я уже собрался слазить к ним на сцену и тоже немного потопать, но они вдруг разбежались, и вышла Люся и объявила:

— Перерыв 15 минут. После перерыва учащиеся четвёртого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке — собачья и смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана своё грызеное яблоко и начал его догрызать. А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же рядом. Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

— Люся, можешь себе представить, Егоров не явился!

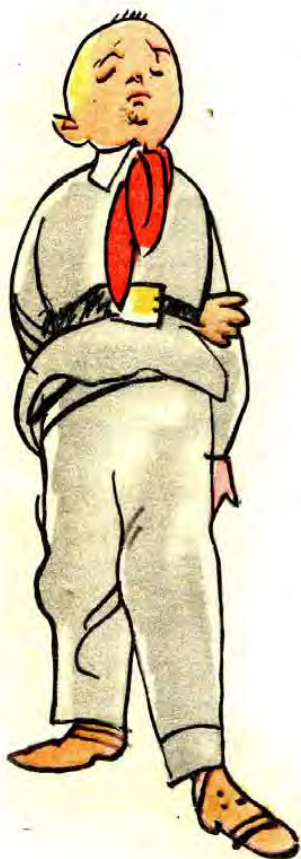
Люся всплеснула руками:

— Не может быть! Что же делать? Кто же будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

— Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька, мы его научим, что делать!

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась:

— Вот,— сказала она,— Дениска! Чего же лучше? Он нам поможет! Дениска, иди сюда!

Я подошёл к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

— А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

— По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

— А так, с первого взгляда, не скажешь!

Я сказал:

— Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня за сцену.

Там стоял мальчик из четвёртого класса, он был в чёрном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой, он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвёртого класса. К этому мальчику была приклеена борода, на носу у него сидели синие очки, он был в клеёнчатом плаще, с поставленным воротником. Тут же были и ещё мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в чёрном костюме пистолет, так сразу спросил его:

— Это настоящий? Вальтер или браунинг?

Но рыжая девочка перебила меня:

— Слушай, Дениска! — сказала она.— Ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!» — ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его.

Девочка сказала:

— Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку, поговорит по телефону и уйдёт со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

— Понял, понял. Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий? Парабеллум или какой?

— погоди ты со своим пистолетом, именно, что он не настоящий! Слушай: стрелять будешь ты, здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола папку и кинется к окну, а этот мальчик в чёрном костюме в него прицелится, тогда ты возьми эту доску и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильнее.

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

— Здорово,— сказал я.— А потом?

— Это всё,— сказала девочка.— Если понял, повтори!

Я всё повторил. Слово в слово.

Она сказала:

— Смотри же, не подведи!

Я пообещал:

— Можешь успокоиться. Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил доску к стулу, а сам стал смотреть в щёлочку занавеса. Я увидел, как пришла Раиса Ивановна, и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять пристроились у стенок, а сзади чей-то свободный папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда, гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за верёвку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал, а на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в чёрном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в чёрном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

— Этого вы от меня не дождётесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в чёрном костюме подумал и снова сказал:

— Да-да! Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за отопление? Я присел на корточки и стал шарить в пыли за батареей. Звонка не было! Нету! Люди добрые! Что же делать?!!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

— Я вас пятый раз умоляю! Всё-таки покажите мне план аэродрома.

А мальчик в чёрном костюме повернулся ко мне лицом и заорал страшным голосом:

— Этого вы от меня не добьётесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком! Они оба мне грозили!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он же потерялся!

Тогда мальчик в чёрном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

— Сейчас, наверно, позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

— Динь-динь-динь!

И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в чёрном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

— Слушаю вас! — и вытер пот со лба.

А дальше всё пошло как по маслу. Мальчик в чёрном встал и сказал бородатому:

— Меня вызывают. Я приеду через несколько минут!

И ушёл со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчишка с бородой пошёл на цыпочках к его столу и стал там рыться и всё время огляды-

ваться. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску, да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в чёрном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. А мальчик, как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лёг на пол, как будто умер. Зрители смеялись, как сумасшедшие. Тут на

сцену прибежали остальные ребята из четвёртого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

— Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всем помешала. Но мальчик в чёрном костюме сказал:

— Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопнули так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой.

А когда я бежал, мне всё время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

«ОН ЖИВОЙ И СВЕТИТСЯ...»

Однажды вечером я сидел во дворе возле песка и ждал маму. Она, наверное, задерживалась в институте или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам и уже, наверное, пили чай с бубликами и брынзой, а моей мамы всё ещё не было...

И вот уже стали зажигаться в окнах огоньки, и радио заиграло музыку, и в небе задвигались тёмные облака. Они были похожи на бородатых стариков.

И мне захотелось есть, а мамы всё не было, и я подумал, что если бы я знал, что моя мама хочет есть и ждёт меня где-то на краю света, я бы моментально к ней побежал, а не опаздывал бы и не заставлял её сидеть на песке и скучать.

И в это время во двор вышел Мишка. Он сказал:

— Здорово!

И я сказал:

— Здорово!

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал:

— Ого! — сказал Мишка. — Где достал? А он сам набирает песок? Не

сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Её можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой?

Я сказал:

— Нет, домой не дам. Подарок. Папа подарил перед отъездом.

Мишка надулся и отодвинулся от меня. На дворе стало ещё темнее. Я смотрел на ворота, чтоб не пропустить, когда придёт мама. Но она всё не шла. Видно, встретила тётку Розу, и они стоят и разговаривают и даже не думают про меня. Я лёг на песок.

Тут Мишка говорит:

— Не дашь самосвал?

Я говорю:

— Отвяжись, Мишка.

Тогда Мишка говорит:

— Я тебе за него могу дать одну Гватемалу и два Барбадоса!

Я говорю:

— Сравнил Барбадос с самосвалом...

А Мишка:

— Ну хочешь, я дам тебе плавательный круг?

Я говорю:

— Он у тебя лопнутый.

А Мишка:

— Ты его заклеишь!

Я даже рассердился:

— А плавать где? В ванной? По вторникам?

И Мишка опять надулся. А потом говорит:

— Ну была не была! Знай мою доброту! На!

И он протянул мне коробочку от спичек. Я взял её в руки.

— Ты открой её,— сказал Мишка,— тогда увидишь!

Я открыл коробочку и сперва ничего не увидел, а потом увидел маленький светло-зелёный огонёк, как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звёздочка, и в то же время я сам держал её сейчас в руках.

— Что это, Мишка,— сказал я шёпотом,— что это такое?

— Это светлячок,— сказал Мишка.— Что, хорош? Он живой, не думай.

— Мишка,— сказал я,— бери мой самосвал, хочешь? Навсегда бери, насовсем! А мне отдай эту звёздочку, я её домой возьму...

И Мишка схватил мой самосвал и побежал домой. А я остался со своим светлячком, глядел на него, глядел и никак не мог наглядеться: какой он зелёный, словно в сказке, и как он, хоть и близко, на ладони, а светит, словно издали... И я не мог ровно дышать, и я слышал, как быстро стучит моё сердце и чуть-чуть колото в носу, как будто хотелось плакать.

И я долго так сидел, очень долго. И никого не было вокруг. И я забыл про всех на белом свете.

Но тут пришла мама, и я очень обрадовался, и мы пошли домой.

А когда стали пить чай с бубликами и брынзой, мама спросила:

— Ну, как твой самосвал?

А я сказал:

— Я, мама, променял его.

Мама сказала:

— Интересно! А на что?

Я ответил:

— На светлячка! Вот он в коробочке живёт. Погаси-ка свет!

И мама погасила свет, и в комнате стало темно, и мы стали вдвоём смотреть на бледно-зелёную звёздочку.

Потом мама зажгла свет.

— Да,— сказала она,— это волшебство! Но всё-таки как ты решился отдать такую ценную вещь, как самосвал, за этого червячка?

— Я так долго ждал тебя,— сказал я,— и мне было так скучно, а этот светлячок, он оказался лучше любого самосвала на свете.

Мама пристально посмотрела на меня и спросила:

— А чем же, чем же именно он лучше?

Я сказал:

— Да как же ты не понимаешь?! Ведь он живой! И светится!..

